

В Диссертационный совет 24.2.379.07,
созданный на базе федерального
государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Самарский национальный
исследовательский университет имени
академика С.П. Королева»
443011, г. Самара, ул. Академика Павлова,
1, Самарский университет, корпус 22

ОТЗЫВ

**на автореферат диссертации Корчагиной Кристиной Александровной на
тему: «Правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в
уголовном судопроизводстве», представленной на соискание учёной
степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-
правовые науки**

В условиях модернизации уголовного судопроизводства Российской Федерации особую значимость приобретает научное осмысление правового положения должностных лиц органов прокуратуры, осуществляющих уголовное преследование и надзор. Объективная необходимость комплексного анализа их правосубъектности обусловлена как законодательной неопределённостью, так и разнообразием выполняемых процессуальных функций, выходящих за рамки традиционного представления о прокурорской деятельности. В этом контексте тема, избранная К.А. Корчагиной, представляется актуальной и востребованной юридической наукой. Учитывая вышеизложенное, представленная работа К.А. Корчагиной обладает бесспорной актуальностью и теоретико-практической значимостью.

Цель исследования – разработка теоретических и нормативных основ правосубъектности должностных лиц прокуратуры в уголовном процессе – достигнута в полной мере. Автором предложена оригинальная концепция уголовно-процессуальной правосубъектности, выявлена её структура, определены особенности приобретения правосубъектности различными категориями прокурорских работников.

Входящий № 206-8906
Дата 03 ОКТ 2025
Самарский университет

Работа отличается логикой изложения, строгим построением: включает введение, три главы, объединяющие девять параграфов, заключение и приложения. Все структурные элементы направлены на последовательное решение поставленных задач.

Научная новизна диссертации подтверждается рядом теоретически обоснованных положений, в числе которых: разграничение функций надзора, уголовного преследования и защиты правопорядка; выделение представителя прокурора как самостоятельного участника уголовного судопроизводства; характеристика внепроцессуальных полномочий прокурора как универсальных и надотраслевых.

Высокая степень достоверности полученных результатов обеспечена солидной эмпирической базой: анализом 187 уголовных дел, нормативных актов, судебной практики, а также анкетированием 241 практического работника (прокуроров, следователей, адвокатов). Основные положения диссертации апробированы в научных публикациях и докладах на авторитетных конференциях.

Среди спорных вопросов можно отметить:

1. Вызывает возражение авторское понятие уголовно-процессуальной правосубъектности, предложенное в положении, выносимом на защиту 1. (с. 8 автореферата). Диссертант полагает, что это «сущностное свойство субъекта права, приобретаемое им в результате получения уголовно-процессуального статуса с процессуальной право- и дееспособностью и свидетельствующее о готовности субъекта вступать в уголовно-процессуальные отношения для реализации прав и обязанностей (исполнения полномочий)». Не понятно, что имеет в виду автор под «уголовно-процессуальным статусом с процессуальной право- и дееспособностью». В юридической науке признано, что правосубъектность – это способность лица иметь уголовно-процессуальные права и исполнять обязанности (правоспособность) и способность лично и самостоятельно осуществлять их

в процессе (дееспособность). Возникает и прекращается правосубъектность одновременно с правовым статусом.

Также непонятно утверждение диссертанта, что правосубъектность «свидетельствует о готовности субъекта вступать в уголовно-процессуальные правоотношения». Как правосубъектность как «сущностное свойство» может свидетельствовать о готовности субъекта вступать в правоотношения? Очевидно, о готовности субъекта вступить в правоотношения может свидетельствовать его поведение, являющееся выражением волеизъявления.

Поскольку правосубъектность является центральным аспектом представленного диссертационного исследования, представляется, автору следовало сформулировать более четкое и недвусмысленное понятие.

2. Следует не согласиться с мнением автора о том, что вовлеченные участники процесса (частные лица, как их называет диссертант) приобретают процессуальную правосубъектность решением должностного лица одновременно с получением статуса субъекта уголовно-процессуального права (положение, выносимое на защиту 1, с. 8 автореферата). Современный уровень защиты прав личности в уголовном процессе обеспечивает появление у участников уголовного судопроизводства прав и обязанностей исходя из их фактического, а не формального положения. Это находит свое подтверждение, в частности, в правовых позициях Конституционного Суда РФ (например, в постановлении от 13 июня 2019 г. № 23-П указывается, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им). Действующее уголовно-процессуальное законодательство также основывается на таком подходе при регулировании прав участников в стадии возбуждения уголовного дела (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

3. Небесспорна и позиция автора, согласно которой «должностные лица, участвующие в уголовном судопроизводстве на профессиональной

основе, приобретают уголовно-процессуальную правосубъектность поэтапно: первоначально вне уголовного процесса лицо получает должностной статус и через определенный период времени при появлении процессуального основания приобретает уголовно-процессуальную правосубъектность» (положение, выносимое на защиту 1, с 8 автореферата). Во-первых, представляется, выделение такой категории участников уголовного процесса как «участвующие в уголовном судопроизводстве на профессиональной основе» чрезмерно широко, поскольку объединяет и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, и адвоката, который может выступать в разных качествах, и эксперта, наконец, педагога, участвующего в качестве специалиста, и др. Во-вторых, уголовно-процессуальная правоспособность появляется у них всех лишь со вступлением в уголовный процесс в качестве участника, до этого они могут обладать только профессиональным статусом. Он самостоятелен и не обусловлен уголовно-процессуальным, в отличие от процессуального, приобретение которого связано с наличием профессионального. Однако данный факт не дает основания утверждать, что приобретение профессионального статуса является первым этапом получения процессуального. В данном случае речь должна идти не об этапе приобретения уголовно-процессуального статуса, а об условии такового – наличие профессионального статуса. В-третьих, чем определяется период времени, в течение которого появляется процессуальное основание для приобретения уголовно-процессуальной правоспособности, почему автор указывает, что это «определенный период времени»?

4. Следует не согласиться с предложением диссертанта о необходимости введения такого участника уголовного судопроизводства как «представитель прокурора» (положение, выносимое на защиту 7, с. 10). Институт представительства – самостоятельный, давно сформированный институт, не ограничивающийся рамками уголовного процесса. В его основе лежит принцип защиты прав и законных интересов представляемого лица. Предполагаемое предназначение нового участника процесса явно не

отражает такой подход (что очевидно, поскольку в противном случае это был бы парадокс), следовательно ни о каком представителе прокурора не может быть речи. «Должностное лицо органа прокуратуры, участвующее по поручению прокурора в судебных заседаниях, проводимых в досудебном производстве либо после вступления приговора в законную силу, в целях обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства» не может называться представителем прокурора.

5. Не видится целесообразным разделять понятия "прокурор" и "государственный обвинитель". В противном случае структурно придется разделять данных лиц в самом органе прокуратуры. Кроме того, сам диссертант отмечает, что данный статус "не делает его независимым от его руководителя прокурора и не позволяет ему самостоятельно определять направленность реализуемых полномочий" (стр. 17 автореферата). Что опять же не даёт возможности понять в полной мере, на кого, конкретно будет возложена данная функция, и чем это будет принципиально отличаться от сложившейся системы поддержания государственного обвинения.

Высказанные замечания носят дискуссионный, частный характер и не влияют на общую положительную оценку проделанной работы.

Таким образом, автореферат Корчагиной Кристины Александровны, на тему: «Правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве» в полной мере отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата наук пунктами 9-11, 13-14 раздела II Положения о присуждении учёных степеней, утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 16.10.2024), является самостоятельно выполненной завершённой научно-квалификационной работой, отличающейся актуальностью и новизной, а её автор — Кристина Александровна Корчагина заслуживает присуждения учёной степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 — Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Сектору
кадров

Ваня Айсенко